

Большой театр. — 1998. — 26 нояб. с. 2
Артистка балета
Мария Александрова

Года три назад, перед началом урока, подошла ко мне незнакомая девочка и попросила разрешения позаниматься у меня в классе. Я спросила, откуда она, и услышала в ответ: «Из МАХУ. У нас каникулы, а мне не хочется пропускать занятия классикой». Наблюдая за ней в классе, я подумала: «Ну, эта девочка своего добьется». Сразу было видно (несмотря на то что училась она еще только на первом курсе), что у девочки отличные данные. Худенькая, ноги длинные, хорошее вращение, природный прыжок, да еще головка соображает, что в нашем деле имеет первостепенное значение. Это была Маша Александрова.

Естественно, Маша попала в театр «не просто так», а с золотой медалью Международного конкурса артистов балета в Москве, и в этой победе проявилось еще одно качество Маши, о котором надо сказать: воля к победе, бойцовский характер. Выпуклась она у С. Н. Головкиной, а Софья Николаевна воспитывает и вырабатывает у своих учениц уверенность в себе, умение в любой ситуации крепко стоять на ногах.

С первых же дней пребывания в театре Маша заявила о себе с очень хорошей стороны. Скромная, воспитанная девочка, она с удовольствием танцует почти весь классический репертуар, будь то «шестерки», «четверки», «тройки». (Кстати, хочу сказать

здесь о том, что меня в последнее время и волнует, и беспокоит. Очень много у нас в труппе стало так называемых «балерин». Станцует один балет — и «балерина», а ведущие сольные партии танцевать — уже ниже ее достоинства. А я помню, как М. Плисецкая танцевала и Раймонду, и Мирту, как любила танцевать в операх М. Семенова, сколько сольных партий, прежде чем набрать балеринский репертуар, перетанцевала Е. Максимова. Вот об этой градации — балерина-этуаль, первая солистка, имеющая право иногда танцевать балеты, — надо подумать нашему руководству: каждый артист должен знать свое место.)

Я считаю, что Маше безумно повезло с педагогом в театре. Попасть в класс Марины Тимофеевны Семеновой — это великое счастье. Я часто бываю в классе Марины Тимофеевны и наблюдаю за Машей. Она, как губка, впитывает, что говорит педагог, старается выполнить все, что требуется от нее и от тех, кто рядом. И вторая ее удача на начальном пути работы в театре — творческая встреча с Т. Н. Голиковой. Таня Голикова выросла в солистку на моих глазах. Она всегда выделялась своей индивидуальностью. В молодых артистках она стремится реализовать то, что по тем или иным причинам не смогла воплотить на сцене сама.

Две партии, которые она приготовила с Машей — Мирта в «Жизели» и Уличная танцовщица в «Дон Кихоте» — блестящее тому подтверждение. Таня приглашала меня на репетиции, выясняла детали, которые сама могла пропустить, так как знала, что я готовила Мирту в свое время непосредственно под руководством балетмейстера Л. М. Лавровского, когда он в 1946 году возобновлял «Жизель», и мне даже посчастливилось репетировать с ним.

Такое серьезное отношение Т. Голиковой к своей работе репетитора — следуя первоначальному тексту и смыслу партии, внося в нее нюансы, исходя из индивидуальности артистки — помогает открыть новые краски в даровании одаренной танцовщицы. Эти две партии, я считаю, стали очень удачным дебютом Маши Александровой и Татьяны Николаевны Голиковой. Конечно, можно еще много искать, отшлифовывать — в нашем деле предела совершенствованию нет. Но то, что мы увидели яркие и зрелые заявки, — несомненно.

Так держать, моя дорогая девочка, новых тебе партий и дай Бог здоровья!

Майя САМОХВАЛОВА.